

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Михаила Витальевича Ефимова «Д.П. Святополк-Мирский – историк русской литературы и литературный критик. Годы эмиграции (1920–1932)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Михаил Витальевич Ефимов известен как один из самых активных современных исследователей русского зарубежья, представленная диссертация является собой результат его многолетних разысканий. Ее объем значительно превышает средний объем кандидатских диссертаций (390 страниц машинописного текста), список библиографических источников состоит из 407 единиц, включая в себя литературу на русском, английском, французском и немецком языках. Основной текст работы снабжен примечаниями (общее их количество – 1017), многие из которых превращаются в самостоятельные мини-исследования.

Как отмечает диссертант, «многообразная деятельность Святополк-Мирского до сих пор не становилась предметом всестороннего рассмотрения в российском литературоведении. В настоящем диссертационном исследовании впервые предпринята попытка комплексно описать деятельность Святополк-Мирского как литературного критика и историка-литературы в период эмиграции – в 1920–1932 гг.» (с. 4). Этот факт уже определяет степень актуальности и новизны исследования, представленного Михаилом Витальевичем Ефимовым.

Диссертация состоит из «Введения», трех глав, «Заключения» и «Списка литературы». В первой главе «Между историей литературы и литературной критикой» автор сосредотачивает внимание на «синтетическом характере деятельности Святополк-Мирского – как литературного критика, апеллирующего к историко-литературным реалиям, и историка литературы, использующего литературно-критические стратегии» (с. 15). Диссертант убедительно показывает, что «в начале 1920-х гг. Святополк-Мирский был заинтересованным читателем формалистов и ретранслятором основных положений теории формалистов и их историко-литературной практики в своих англоязычных работах» (с. 73); «он был первым, кто привлек в англоязычном мире столь пристальное внимание к русским формалистам и их достижениям» (с. 75). Обнаруживая «изначальные точки схождения между Святополк-Мирским и формалистами» (с. 27) (в частности, М.В. Ефимовым устанавливаются общие черты между стратегией Святополк-Мирского и программой, заявленной Ю. Тыняновым и Р. Якобсоном в «Проблемах изучения

литературы и языка», а также работами Б. Эйхенбаума), автор тщательно прослеживает эволюцию восприятия литературной теории формалистов критиком русской эмиграции, объективно свидетельствуя, что негативная оценка Святополк-Мирским достижений формальной школы «сложилась еще в эмиграции, в конце 1920-х годов» (с. 73). Особенно интересной и плодотворной в перспективе дальнейших возможных сопоставлений представляется мысль диссертанта об автометаописательной составляющей в высказываниях Святополк-Мирского о формалистах.

Также в рамках первой главы рассматривается вопрос о рецепции Святополк-Мирским британской литературной теории и критики. По мысли соискателя, Святополк-Мирский «синтезирует принцип историзации литературно-критического суждения (развиваемый русскими формалистами) и принцип эстетической оценки историко-литературного материала (заимствованный у британских историков литературы)» (с. 95). Эти выводы представляются логичными и убедительными.

Вторая глава диссертационного исследования посвящена историко-литературным нарративам Д.П. Святополк-Мирского 1924 – 1926 гг. Материал книги «Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (1924) позволяет диссертанту прийти к обоснованному выводу, что эволюцию русской поэзии Святополк-Мирский понимал «как движение от классицизма к эклектично-нейтральному упадку и последующему возвращению к некоторым принципам классической поэтики» (с. 117). Книги, написанные Святополк-Мирским по-английски – «Contemporary Russian Literature: 1881–1925» (1926) и «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)» (1927), – своеобразная «попытка создания широкомасштабной панорамы русской литературы» (с. 160), а книга «Pushkin» (1926) значима уже тем, что, по словам британского слависта Дж. Смита, является «первой серьезной английской монографией о творчестве Пушкина» (с. 124).

По мысли соискателя, в своих книгах о русской литературе «Святополк-Мирский создал, по сути, новый в русском историко-литературном дискурсе жанр авторской истории литературы» (с. 200). В связи с этим неизбежно возникает ряд вопросов – связанных как с уточнением границ самого понятия (например: в чем состоят принципиальные отличия «авторской» истории литературы от любой «не-авторской»? В какой степени «авторская» история литературы соотносится с собственно научной дисциплиной истории литературы или же это в большей степени область литературной критики?), так и с необходимостью указания на какую-то последующую традицию функционирования созданного Святополк-Мирским жанрового прецедента.

Также интересно было бы узнать, как именно автор диссертации интерпретирует использованное Святополк-Мирским понятие «волевая заразительность»? Можно ли встретить какие-либо его аналоги и корреляты у других критиков, в литературоведческой науке? Насколько можно судить, это качество связывается Святополк-Мирским с рецепцией того или иного писателя, но ведь рецепция субъективна и изменчива. По словам критика, «толстовца Лескова мы справедливо считаем азбукой православной этики. На Аввакуме воспитывали свой революционный героизм русские эсеры» (цит. по рукописи, с. 298). Это верно для исторического времени конца XIX – начала XX вв., но сегодня и Лесков, и тем более Аввакум воспринимаются русским читателем иначе – означает ли это, что они утратили приписываемую им Святополк-Мирским «волевою заразительность»?

В целом, как справедливо подмечает Михаил Витальевич Ефимов, «тот историко-литературный нарратив, который создает... Святополк-Мирский, в известной степени противоречит его собственной теоретической установке» (с. 174): настаивая на «изучении литературного текста как самодостаточной, автономной реальности» (с. 171), постулируя «текстоцентричность» истории литературы и указывая на второстепенность изучения биографии писателя, критик создает «исключительную по многообразию портретную галерею действующих лиц русской литературы» (с. 174). По мысли диссертанта, Святополк-Мирский сложно синтезирует «внеличный историко-жанровый и личностный биографическо-портретный подход» (с. 176).

Эта же неоднородность и в определенном смысле противоречивость дискурса Д.П. Святополк-Мирского становится одной из центральных поднимаемых соискателем проблем третьей главы, посвященной литературно-критической деятельности Святополк-Мирского в 1920–1928 гг. В ее рамках автором анализируются различные аспекты деятельности Святополк-Мирского как двуязычного литературного критика, по-разному репрезентирующего себя перед русской и англоязычной аудиторией, отдельно рассматриваются выступления автора в периодических изданиях русского зарубежья («Звено», «Современные записки», «Благонамеренный», «Воля России»), отмечается его ведущая роль в издании журнала «Версты», представившего, по мысли исследователя, своеобразный опыт построения трансграничного пространства русской литературы.

Диссертант справедливо подмечает противоречивость как в эстетической позиции Святополк-Мирского, который, «не предлагая никакого синтетического подхода, является в равной степени сторонником двух взаимоисключающих эстетик – “петербургского неоклассицизма” (Мандельштам, Ахматова) и модернизма Пастернака и Цветаевой» (с. 321-322), так и в самом присущем критику характере мышления, то и дело вскрывающем

парадоксы и логические неувязки. Прделанный соискателем анализ дискурса Святополк-Мирского блестяще демонстрирует, как несмотря на декларируемую критиком необходимость выявлять некие «объективные» ценности литературного произведения, его же собственная логика то и дело вскрывает обнаженный субъективизм оценок и суждений. По-видимому, именно эта очевидная субъективность (уже на наш взгляд) и препятствует тому, чтобы считать Д.П. Святополк-Мирского в точном смысле слова литературоведом, несмотря на весь его интерес к изучению именно истории литературы как научной дисциплины и зарождению литературоведческой методологии.

Высокий концептуальный уровень осмысления литературно-критической деятельности Святополк-Мирского в контексте его биографии, идейно-мировоззренческой и философско-эстетической эволюции отличает «Заключение» представленной соискателем диссертации. С одной стороны, в структуре исследования оно носит характер своеобразного ретроспективного ключа, стимулируя адресата к повторному чтению работы и позволяя заново осмыслить прочитанное под новым углом зрения. С другой, актуализирует целый ряд перспективных вопросов изучения многогранного наследия Святополк-Мирского в широком социокультурном контексте.

Диссертационное исследование Михаила Витальевича Ефимова выполнено на высоком профессиональном уровне. Положения и выводы, выносимые автором на защиту, обладают высокой степенью актуальности и новизны, представляются достоверными, оригинальными и обоснованными. Для доказательности своих идей Михаил Витальевич использует обширный источниковедческий материал биографического, мемуарного, публицистического характера, демонстрируя свою блестящую эрудицию как исследователя не только наследия Д.П. Святополк-Мирского, но и всего богатейшего массива литературы и культуры русского зарубежья, а также обнаруживая глубокое понимание эволюции художественных систем, литературно-критической и литературоведческой мысли XIX – первой трети XX вв., ставя при этом сложнейшие методологические вопросы, которые, надо признать, нечасто оказываются в центре внимания современной науки о литературе.

С некоторым сожалением приходится констатировать ряд недочетов, имеющих в работе. К их числу следует отнести довольно значительное количество опечаток (с. 14, 16, 29, 67, 121, 198, 229, 236, 253, 298, 320), а также встречающиеся стилистические погрешности (например: «Ему был присущ весьма характерный стиль, отличавший как его русские, так и английские тексты, причем между этими двумя стилями есть ощутимая разница» (с. 11), «...биография Шкловского совмещала филологию и непосредственный опыт войны и революции» (с. 28) и др.). Главный герой диссертационного исследования

Дмитрий Петрович Святополк-Мирский называется исключительно по фамилии («Святополк-Мирский»), будучи при этом ни разу не обозначен через имена нарицательные («автор», «критик», «исследователь» и т. п.), что рождает ощущение некой небрежности и «телеграфичности» стиля.

Не всегда понятна рубрикация разделов внутри параграфов, что несколько размывает структуру работы. Например, параграф 3.3 называется «Д.П. Святополк-Мирский как англоязычный литературный критик (1923–1926)» и открывается он разделом без цифрового обозначения, но под точно таким же названием (с. 234). Параграф 3.4. носит наименование «Выступления в периодической печати русского зарубежья (1923–1926)», а в его рамках помещен, к примеру, раздел «Литературно-критические высказывания Д.П. Святополк-Мирского в периодической печати русского зарубежья (1923–1926)» (с. 254) – что приводит, на наш взгляд, к определенной тавтологии. Вообще тексту диссертации присущи самоповторы: некоторые как оригинальные авторские речевые фрагменты, так и в особенности цитаты дублируются: например, цитата из письма Святополк-Мирского к К.И. Чуковскому («Вы, остающиеся в России, для нас как святые и подвижники...») приводится Михаилом Витальевичем трижды – на с. 257, 323 и 342 соответственно. В то же время думается, что такого рода самоповторения не стоит ставить в вину диссертанту, ибо, как представляется, они порождены сложной композиционной организацией исследования, обусловленной, в свою очередь серьезным масштабом решаемых (и, на наш взгляд, успешно решенных) задач.

Также возникает ряд частных вопросов по отдельным формулировкам:

«Он [Святополк-Мирский – Н.К.] противопоставляет Мережковского-критика Эйхенбауму-историку литературы, что, как представляется, значительно усложняет “демаркационные возможности”: противопоставление попросту нерелевантно» (с. 40). Из текста остается не слишком понятным, почему именно это противопоставление оказывается «нерелевантно». Кроме того, если линия рецепции Святополк-Мирским формалистов прослеживается диссертантом в высшей степени подробно и последовательно, то негативное отношение критика к импрессионистской субъективной критической манере (в частности, к работам того же Мережковского), в работе лишь фиксируется, но не анализируется. При этом диссертантом подчеркивается близость самого Святополк-Мирского к «критикам импрессионистского толка» (с. 59).

Все высказанные замечания и вопросы, безусловно, ни в коей мере не умаляют достоинств и значения проделанной диссертантом масштабной и результативной работы.

Автореферат отражает основные положения представленной диссертации. Количество статей, рекомендованных ВАК для публикации результатов кандидатских диссертаций, значительно превышает необходимый минимум – всего их 19.

Диссертация Михаила Витальевича Ефимова, безусловно, вносит ценный вклад в изучение не только литературно-критического наследия Д.П. Святополк-Мирского, и не только всей литературы и культуры русского зарубежья. Она является оригинальным законченным исследованием и полностью соответствует требованиям пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Отзыв составлен доцентом кафедры истории русской литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидатом филологических наук, доцентом Николаем Александровичем Карповым, специальность 10.01.01 – Русская литература.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Россия, 199 034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Тел. +7 (812) 320-07-17, e-mail: president@pu.ru. Сайт: <http://phil.spbu.ru/>

Кар 8.05.2018

ПОДПИСЬ РУКИ

УДОСТОВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ

ХОМУТСКАЯ Л.П.

8.05.2018

